

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертационную работу

Вепрева Егора Александровича

«Форматы сотрудничества сил безопасности в развитии режимного комплекса Арктики (1990-е гг. – 2022 г.)», представленную на соискание ученой степени

кандидата исторических наук по специальности

5.6.7. История международных отношений и внешней политики

Диссертация Вепрева Е.А. посвящена важной и актуальной в научном и практическом отношении проблеме – изучению процесса становления и развития режимного комплекса Арктики (РКА) в период после окончания «холодной войны» и до начала специальной военной операции (СВО) России на Украине. Несмотря на очевидную значимость данной проблемы, она практически не изучена в современной исторической науке (как отечественной, так и зарубежной). Следует отметить, что автор не только пытается представить собственное видение данной проблемы, но и обосновать его с помощью целого комплекса теоретических подходов и исследовательских методов.

Объект, предмет, цель и задачи исследования сформулированы достаточно чётко (с. 15). В то же время складывается впечатление, что задачи поставлены несколько шире, чем цель исследования, и включают в себя вопросы, выходящие за рамки этой цели. Как следует из названия работы и цели исследования, в диссертации должна изучаться роль конкретных институтов/форматов сотрудничества сил безопасности в становлении и развитии РКА. Однако задачи исследования включают такие общие вопросы, как определение роли и места Арктики в системе региональных комплексов безопасности, анализ северных/арктических стратегий стран региона, разработка авторской модели РКА и пр.

Хронологические рамки исследования автором определены адекватно и хорошо обоснованы. Они охватывают период с начала 1990-х гг., когда было предпринято строительство системы региональных институтов в Арктике и до начала СВО, когда многие форматы арктического сотрудничества (в том числе в сфере безопасности) были «заморожены» (с. 16).

В теоретико-методологическом плане работа опирается на целую совокупность теоретических подходов – теорию международных режимов, исторического институционализма, понимание категории «безопасность» Копенгагенской школой международных отношений. В работе использованы как методы общенаучного, так и специального характера, среди которых выделяются также методы, как историко-генетический и историко-системный методы. Подобный междисциплинарный методологический подход следует только приветствовать, и он относится к числу несомненных достоинств работы.

Источниковая (эмпирическая) база исследования включает в себя широкий круг документальных материалов – международные соглашения, документы международных организаций и институтов, действующих в Арктике, национальные арктические стратегии отдельных государств, заявления, интервью и публикации государственных деятелей арктических стран и пр. Такая обширная источниковая база позволяет Вепреву Е.А. адекватно решить стоявшие перед ним исследовательские задачи. Вместе с тем, вряд ли в разряд источников стоило включать новостные сообщения различных электронных СМИ. Такие сообщения могли бы являться источниками, если бы корреспонденты этих СМИ вели репортаж непосредственно с места событий или брали интервью у участников тех или иных событий. Но в данном

случае эти новостные сообщения основаны на вторичной, а не оригинальной информации и потому не могут быть отнесены к источникам.

Историографический обзор выполнен диссертантом весьма квалифицированно. Вепреву Е.А. удалось объективно оценить достижения и упущения своих предшественников и определить свою исследовательскую «нишу». Единственное замечание по этому разделу введения: вряд ли стоило классифицировать историографию проблемы по географическому принципу (российская, других арктических стран и неарктических государств). Более продуктивна типология историографии по предметно-тематическому принципу или по принадлежности авторов к различным теоретическим школам.

Теоретическая и практическая значимость работы определена верно.

Научная новизна исследования хорошо обоснована. В то же время раздел о личном вкладе автора (с. 31-32) выглядит неуместным и во многом повторяет раздел о научной новизне исследования.

Что касается **структуры** работы, то она состоит из введения, трёх глав, заключения, списка принятых сокращений, списка использованных источников и литературы и приложения. Структура диссертационного исследования в целом сбалансирована и отвечает его цели и задачам. Правда, третья глава существенно превышает по своему объёму две первых главы.

Во *введении* обосновывается актуальность темы исследования и степень изученности темы, проанализирована историография проблемы. В нём определены объект и предмет исследования, сформулированы цель и задачи исследования, обоснованы теоретико-методологическая база, теоретическая и практическая значимость работы, научная новизна исследования, а также изложены основные положения, выносимые на защиту.

В *первой главе* изучаются различные теоретические подходы к понятию «режимный комплекс», прослеживается процесс распространения этого понятия на арктический регион, даётся авторское определение понятия «режимный комплекс Арктики», исследуется вопрос о применимости расширительного толкования понятия «безопасность» Копенгагенской школой международных отношений к реалиям арктического региона.

Во *второй главе* изучается то, как в концептуальных/стратегических документах восьми арктических стран-членов Арктического совета (АС) трактуются вопросы «жёсткой» и «мягкой» безопасности региона, и как в них отражено становление и развитие РКА. В данной главе также содержится авторская периодизация развития РКА, включая характеристику каждого из его этапов.

Третья глава посвящена анализу деятельности конкретных институтов сотрудничества в сфере арктической безопасности – программы Арктического военно-экологического сотрудничества, встреч начальников генеральных штабов, Круглого стола сил безопасности и Арктического форума береговых охран. В данной главе также изучаются проекты (так и не реализованные) по созданию Форума сотрудничества в области арктической безопасности и Кодекса военного поведения в Арктике.

В *заключении* приведены основные выводы и итоги проведенного исследования. Диссертант также определяет перспективные направления для дальнейших исследований в сфере арктической безопасности.

Несмотря на в целом положительную оценку диссертационной работы Вепрева Е.А., необходимо сделать следующие критические и полемические замечания:

1. На мой взгляд, первая (теоретическая) глава имеет, в основном, компилятивный характер. Теории международных режимов, региональных комплексов безопасности, теоретическое наследие Копенгагенской школы международных

отношений достаточно хорошо изучены в отечественной и особенно в зарубежной исторической и политологической литературе. Среди отечественных учёных я особо выделил бы труды О.С. Гайдаева, включая его кандидатскую диссертацию о развитии теории секьюритизации (2023 г.), появившейся как раз в рамках Копенгагенской школы международных отношений. По моему мнению, авторское понимание РКА было бы достаточно дать во введении в рамках специального терминологического раздела, а не посвящать этой проблеме целую главу.

2. Следует иметь в виду, что Копенгагенская школа международных отношений не была инициатором расширительного понимания безопасности, она лишь продолжила тенденцию, наметившуюся ещё в 1980-е гг. в рамках ООН - Доклад Независимой комиссии по вопросам разоружения и безопасности под председательством Улофа Пальме (1982 г.), доклад Всемирной комиссии по окружающей среде и развитию (доклад Брундтланд, 1987 г.) и пр. Нужно иметь в виду, что расширительное толкование понятия безопасности было для Копенгагенской школы не самоцелью, а лишь подспорьем для разработки своей собственной, действительно оригинальной, теории секьюритизации.

3. Иногда диссертант делает необоснованные допущения. Например, на с. 92 он утверждает, что «поправки в «Основы... до 2035 года», по-видимому, предусматривают создание с ними [«внерегионалами» - А.С.] альтернативных структур и механизмов». На основании чего делается такой вывод? Наоборот, представители российского МИДа, включая С.В. Лаврова, неоднократно утверждали, что Москва не собирается создавать новые региональные институты, альтернативные АС.

4. Анализируя политику США в Арктике, диссертант утверждает на с. 95, что «США стали первым арктическим государством, издавшим собственную стратегию» (1994 г.). Необходимо подчеркнуть, что документ, на который ссылается Е.А. Вепрев, – это ещё не стратегия Вашингтона в Арктике. Это – президентская директива, опубликованная от имени Совета национальной безопасности, то есть является документом более низкого статуса, чем стратегия. Первая национальная стратегия США в Арктике была выпущена Б. Обамой в 2013 г., то есть позже, чем другими арктическими странами.

5. Следует также отметить, что диссертант весьма вольно обращается с терминологией, применяемой к разного рода концептуальным документам арктических стран. Несмотря на то, что они имели разный статус и характер (президентская директива, рамочный документ, «видение», политика, парламентская резолюция, «ведомственный» документ (то есть принятый тем или иным министерством или ведомством), «план действий» и пр.), диссертант именует их «стратегиями» или «программами», что, на мой взгляд, неправильно. В зависимости от того, какой статус имел тот или иной документ, можно судить о значимости Арктики для инициатора такого документа и объёме усилий, которые планировалось предпринять в этой области.

6. Что касается концептуальных и стратегических документов США в отношении Арктики, то диссертант почему-то игнорирует огромный пласт «ведомственных» арктических стратегий, публиковавшихся, начиная со второй администрации Б. Обамы, теми самими «силами безопасности», которые изучаются в диссертации – министерством обороны, тремя министерствами по видам вооружённых сил США (сухопутные силы, ВВС и ВМС), Береговой охраной и пр. В них гораздо более подробно и откровенно описывается курс этих ведомств в области арктической безопасности.

7. Следовало бы особо подчеркнуть, что США, которые не смогли (или не захотели) ратифицировать Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г., в итоге

выбрали курс на односторонние действия в Арктике. Они не просто предъявили претензии на континентальный шельф в СЛО, как пишет автор, а провели его разграничение в одностороннем порядке, игнорируя при этом претензии Канады.

8. В разделе об арктической стратегии Дании почему-то ничего не сказано о конфликте между Данией и Д. Трампом по вопросу о Гренландии, который начался ещё в 2019 г.

9. Иногда диссертант неосмотрительно воспроизводит западные пропагандистские стереотипы. Например, на с. 123 он допускает такую фразу: «В условиях наращивания военного присутствия России [в Арктике - А.С.]». На самом деле, никакого наращивания сил РФ в регионе не происходило и не происходит. Уровень военного присутствия России в Арктике – ядерного и обычного – значительно ниже уровня периода «холодной войны». Россия лишь модернизирует свои вооружённые силы, размещённые в Арктике, с целью сделать их более компактными, боеспособными и готовыми к противодействию новым типам угроз. При этом Россия руководствуется принципом разумной достаточности, то есть старается иметь такие вооружённые силы, которые смогут обеспечить обороноспособность страны, и не более.

10. Авторская периодизация развития РКА (с. 139-145) имеет дискуссионный характер. Диссертант привязывает её, как правило, к сдвигам/изменениям в институциональной инфраструктуре региона, не всегда принимая во внимание роль и влияние глобальных геополитических факторов в развитии РКА. На мой взгляд, более логичной была бы следующая периодизация: 1991-1996 гг. (от начала «процесса Рованиеми» до создания АС); 1997-2008 гг. (до принятия Илулиссатской декларации); 2009-2014 гг. (до начала украинского кризиса и «замораживания» форматов сотрудничества сил безопасности, кроме Форума береговых охран, возникшего в 2015 г.); 2014-2022 гг. (до начала СВО, когда и другие форматы и институты арктического сотрудничества были «заморожены»).

11. Список источников и литературы составлен неверно. Источники почему-то разделены по языковому (на русском и нерусском языках), а не по содержательному принципу. Так, не выделены различные категории источников, как это было сделано во введении (международные соглашения; документы международных институтов, национальные концептуальные и стратегические документы и т.д.). В категорию источников ошибочно включены информационные материалы. СМИ, а также экспертно-аналитические разработки и материалы различных конференций. Первые нужно выделить в самостоятельную категорию, вторые отнести к категории «Литература». Литература не разделена на книги и статьи, как это принято делать.

12. В работе имеются досадные неточности. Так, НАТО – женского, а не мужского рода. В России принято называть американские правительственные ведомства не Департамент, а Министерство обороны, не Счётная палата, а Главное счётное управление США. Неправительственная организация «Полярный круг» почему-то упорно называется на протяжении всей работы «Арктическим кругом». Кстати, о создании этой НПО было действительно объявлено весной 2013 г., но реально она начала функционировать с октября того же года, когда состоялась её первая ассамблея. Ребекка Пинкус – не мужчина, а женщина (с. 10). Не совсем точно транскрибируются фамилии иностранных учёных. Должно быть не Х. Экснер-Пирот, а Пиро; не М. Лантен, а Лантейн; не О. Вевер, а Вэвер; не Я. де Уайлд, а Вильде (он голландец); не Я. Асенг, а Осенг и пр. По тексту работы часто используются только фамилии учёных без их инициалов, что не принято в научных работах.

Несмотря на сделанные замечания, автор диссертационной работы продемонстрировал высокую квалификацию в области изучения вопросов, связанных с

развитием арктической системы безопасности. Указанные замечания не влияют на общую положительную оценку данного диссертационного сочинения.

Представленное Вепревым Егором Александровичем исследование отвечает требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям и паспорту специальности 5.6.7. История международных отношений и внешней политики.

Таким образом, диссертационная работа Вепрева Егора Александровича «Форматы сотрудничества сил безопасности в развитии режимного комплекса Арктики (1990-е гг. – 2022 г.)» является самостоятельным, завершённым исследованием и соответствует п. 9 «Положения о присуждении учёных степеней УрФУ», а её автор - Вепрев Егор Александрович – заслуживает присуждения учёной степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.7. История международных отношений и внешней политики.

Официальный оппонент:

доктор политических наук
профессор кафедры теории и истории
международных отношений
факультета международных отношений
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего
образования «Санкт-Петербургский
государственный университет»

Сергунин Александр Анатольевич

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский
государственный университет»
факультет международных отношений
кафедра теории и истории
международных отношений
191060 Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3
тел.: (812) 576 62 29; email: asergunin@spbu.ru

10 сентября 2026 г.

